

Роберт Браунинг

Пиппа проходит

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-2
ББК 84-6
Р58

Роберт Браунинг

Р58 Пиппа проходит / Роберт Браунинг – М.: Книга по Требованию, 2012. – 44 с.

ISBN 978-5-4241-3151-6

Роберт Браунинг родился в семье банковского чиновника. С детства увлекался романтической поэзией. Входил в литературный кружок Диккенса и Вордсворта, дружил с Теннисоном. Посетил Россию в 1833 г. Известность ему принесла пьеса (1841) и сборник стихов (1842). Браунинг женился на поэтессе Элизабет Барретт Моултон в 1846 г. Жил, в основном, во Флоренции. Умер в Венеции в 1889 г. Похоронен в Вестминстерском аббатстве, в Лондоне.

ISBN 978-5-4241-3151-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Пиппа проходит¹

Я посвящаю лучшие мои намерения в этой поэме с восторгом автору «Иона», с преданностью Сержанту Тельфорду.

Лондон 1841

Р. Б.

День Нового года на Азоло в Тревизане.

Сцена. Большая, бедно убранная комната. Девушка Пиппа, работница на шелкопрядильной фабрике, соскакивает с постели.

День!

Быстрее и все быстрее

Кипящий день течет чрез край ночей;

Как золото, течет из края туч,

Где, сдавленный и брызжущий, был сжат,

Затем что ни один вспененный луч

Не облагрял тяжелых серых гряд

Восточной тучи час тому назад;

Но вот одна волна, другая вслед

Поднялась, и восход неотвратим,

Заколебался алым, золотым,

Тогда, кипящий, затопил весь свет.

День, если час пройдет, не радостный вполне,

Из всех двенадцати часов великой славы,

Меня зовущих явно или тайно,

Несущих мне награды величаво

Иль радующих дух совсем случайно,

Как прихоти твои, пред Богом правы, —

Коль расточу мой день на труд иль на забавы,

Позор для Азоло и горе мне!

Часы медлительны, торжественны и сини,

Где помощь стойкую и благо мир найдет, —

Минуты солнечные, мчащиеся ныне,

Когда земля в игре свершает свой полет, —

Да будут все моими! Но не надо

Меня считать богатою, как тех,

Кому в высоком жребии отрады,

Кто может взять весь мир твоих утех

И бросить то, в чем ты откажешь им;

Мой день, мой праздник, коль ты будешь злым

Со мною, с Пиппой — грустью прошлогодней

Назавтра буду смята я бесплодной, —

Но если будешь милым ты сегодня,

Я сил займу для грусти новогодней.

Другие люди, те, что обладают

Землей, кому равно оставлен год,

Те скудный день и пышный различают,

Довольны этим, презируют тот.

Тебя же дал мне Бог, чтоб, как в квашне для хлеба,

Что было бы землей заквасить чувством неба;
Твой свет мне озарит десятки дней дождливых!
Попробуй! Выбери здесь четырех счастливых —
И брызги сильным утренним дождем
На дивную Оттиму; что ей в нем,
Когда Себальд при ней; дождя и грома
Не слышно за стеклом большого дома,
Ее он будет крепче прижимать,
Дышать теплей, на что же ей роптать?
А утро минет, встань, весь в сумраке глухом,
Над Финой с Юлием — невестой с женихом,
Им будет все равно: то день венчанья.
Когда из храма в дом, храня молчанье,
Они пойдут, назло тебе у них
Сердца в сияньях будут золотых.
Потом пусть к вечеру туманы закрубятся:
Луиджи с матерью, поверь, не огорчатся,
Нет в мире пары лучше и светлей,
Она в летах, он в юности своей
И всем довольные. Наш город, теплый, бодрый
И замкнутый скорее в дождь, чем ведро,
Удержит их! А ночью грянь дождем
Над Монсеньором благостным, о ком
Так много говорят, кого так ждут из Рима
Сюда, где умер брат его любимый,
Он мессой дух печальных облегчит,
Какая буря мир его смутит?
Спокойно он помолится и, строгий,
Рассеет гром без ангельской подмоги!
Но Пиппа — каждый дождь испортить ей готов
День, озаряющий ей тысячи часов
Мотанья скучного, кольцо в кольцо, шелков!
Но что! Я только даром время трачу!
Ага — мой зайчик солнечный — ты схвачен
Водой в моем кувшине, ты, который
Мог посмеяться и над лучшей сворой;
Ужель кувшин мой так глубок,
Что ты спастись не мог?
Все вверх и вверх, собери осколки света,
Кружащиеся здесь и там в тоске,
Потом срастись на потолке, —
Ты умный, ты сумеешь это!
Кто первый увидел веселым днем
Кусок, летящий за куском,
Все, словно пьяные вином...
Смотрю, как он карабкается, пьян,
Где падает сияющий калека,

И вижу, распустился мой тюльпан
Карбункулом, пылающим от века
И пухлым, словно зоб турецких птиц!
Когда кораллы там, где человека
Взор не бывал, цветут, красней зарниц,
Тюрбанами-цветами — это свечи
Стремит густой огонь сквозь мрак далече!
Цветок, твоя царица я;
Мясистый каждый твой росток
Я сохраняю (право, лучше,
Чем лист, скрывающий тебя,
Иль раковины коробок)
От долгоносиков колючих.
Зови пчелу, жужжащую в окне,
Дразни ее; и в мирной тишине
Люби меня и поклоняйся мне!
Кого ж тебе любить! Ведь я сегодня —
Я настоящая; всего хочу сегодня;
Мне — утро, полдень, вечер, ночь сегодня;
А завтра Пиппе вновь мотать шелка
Весь год за хлеб и кружку молока;
Сегодня ж мне позволено идти
Разыгрывать моих фантазий гаммы;
Ведь могут чудеса произойти,
И названа я буду именами
Счастливейших, что можно здесь найти!
Смотри! Вверху на том холме все утро
Любимой буду я и знать о том:
Не хуже я Оттимы светлокудрой!
Сады и в них большой гранитный дом
И — для цветов другой, стеклянный, необычный —
Мои; туда Себальд идет тропой привычной
Ухаживать за мной, а старый спит Лука;
И вот, пока он не вздохнет слегка,
Я... что ж? Даю обильный повод к толкам;
Оттима — я замечу тихомолком —
Пренебрегает, не к добру порою,
Всем, даже мстительною болтовнею,
А в нашем городке ведь все болтают!
Но, ах! Любовь, любовь — есть лучшая, я знаю!
Та, глупая, была лишь первым даром дня;
Назло всем сплетням есть другая для меня:
Жених с невестой под звук органа
Священное покинут в полдень место,
Их дом стоит среди лугов Оркана —
Так почему бы мне не быть невестой
Скорее, чем Оттимой; для начала

Невесту маленькую эту я видала,
Видала мельком, словно блеск зарниц,
Румянец чистых щек и узел кос
Черней всего, черней самих ресниц;
Не красит ли она их, вот вопрос!
Она была строга, и газ
Одел ее и скрыл от нас;
Невеста — чтоб смотреть и чуть касаться,
О, чуть касаться, Юлий! — так нежны
Они, и с ними должно обращаться,
Как бы с цветами первыми весны!
Живут легко и мягко эти дамы,
А наш румянец удивлял бы прямо;
Храни же этих щек оттенков, близкий к снегу,
Патрицианских ног изысканную негу,
И мускулы пусть движутся всегда
С такою сдержанностью дивной, как тогда;
Ходи она, как я, по улице весенней,
Босая и открытые колени,
Как дали бы тогда возлюбленному свет
Девичий поцелуй, трепещущий ответ?
О, то не зависть, нет!
— О, нет! — Когда бы я имела право
Отказываться или выбирать,
Подумайте, могла ли б я желать
Любви, оковывающей лукаво?
Она связала бы все существо мое;
Мне все равно, терять иль получить ее!
Любовник холоден, жену не любит муж,
Любовь к родителям — вот верный путь для душ;
Под вечер мать и сын, прекрасной парой,
Беседуют на башне; почему ж
Не быть Луиджи мне? Приют их старый,
Для ящериц приют, всю зиму жив,
Там каждый рад и, друга посветив
В свои мечты на Новый год, счастлив
(Я замечала, что по вечерам
Луиджи с матерью всегда сидят в аллее
У старой башни и болтают там,
Ясней любовников, но и друзей нежнее).
Пусть обо мне заботятся, хранят
Меня от зла, как в сказке говорят;
Пусть буду я Луиджи... Если б знать
Могла я моего отца иль мать!
Но, если уж сказать, одна любовь сильна:
То — Божья; надо мной что ж не взойдет она,
Как там, над Монсеньоровым челом,

Который в эту ночь благословляет дом,
Где мертвый брат его, а Бог благословит
Глаза, что светятся, и сердце, что дрожит
Любовью; я хотела бы стать им,
Священником любимым и святым!
Но что? Любви святой я приобщилась, ах!
Что в новогодних слышится стихах,
И разве смысл иной звучит в словах
Перед Богом все равны, узнай;
И, если Он вступает в рай,
Наш мир исполнен только Им,
И злой и добрый Им любим;
Мы куклы Бога; в этом свете
Ни первых, ни последних нет.
Не молви «глупость» ни про что,
Оно не менее, чем то,
Что все великим назовут;
Освободи меня от пут
Разнообразных жизней! Мне
Довольно и одной вполне!
И больше, больше этого! — О, да —
Я мимо счастья их пройду, горда,
Не позавидовав, чем уступлю я им,
Полезна людям, Господу мила!
Ах, этот праздник хочет быть храним,
Как будто бы он из стекла!
Пусть светит солнце! Не к чему роптать!
Ведь ты, мой День, меня ведешь опять
Вниз по тропинке, где сияет хмель,
Росой в лесу слепом из-за кустов,
Где не взмывала ласточка досель
И не звучал стрекоз веселый зов —
Веселый зов!

(Выходит на улицу.)

[I]

Утро. На холме, в оранжерее Оттима, жена Луки, и ее любовник, немец Себальд.

Себальд

(поет)

Сон, беги от бдящих очей!
День очами сверкнул — посмей!
Ночь глубоко глазами пей!

Оттима

Ночь? Такова на Рейне ночь, быть может;
А этот красный луч сквозь щели ставен
Мы называем утром: погляди же,
Но осторожно, ощупью! Ведь всюду

Герань высокая! Толкни решетку —
За раму! Нет, прошу тебя! Себальд,
Ты всю меня осыпал пылью! Видишь,
Сюда засов, сюда! Ну, ты доволен,
Иль хочешь что-нибудь еще испортить?
Целуй, и мы друзья, Себальд! Уж утро?
Ну, так молчи тогда!

Себальд

Да, так бывало!
Всегда твой дом бывал, я помню, заперт
До полдня — я заметил то, блуждая
Здесь утром, по долине, где, в ручье
Стирая платье, девушки шумели
И медленных быков вели крестьяне, —
Но нет, твой дом не открывал ни глаза,
Там мудро ты свой заговор творила,
Природа — свой снаружи: я смотрел —
А ставни и заржавленные брусья,
Как смерть, молчали, слепы в волнах света;
О, вспоминаю! — Шутники смеялись:
«Там спит старик с женою молодою!»
Был дом — его, и этот стул, и рама!

Оттима

Ах, утро! Вижу я, Святого Марка
Чернеет колокольня. Стой: Виченца,
Должно быть, там... Там Падуя синее!
Смотри, за пальцем взглядом следуй —

Себальд

Утро?
Мне кажется, что это ночь, но с солнцем:
Где свежесть? Где роса? Тот куст, что ранил
Я вечером вчера, сюда взбираясь,
Все никнет. Видишь след моей ноги
В пыли порога?

Оттима

О, закрой же ставню!

Себальд

Нет! Запах крови здесь мне так тяжел,
Уж лучше утро —
Ну, прогоним мир!
Ну, как теперь, Оттима? Там проклятье!
И мир, и внешнее! Так сбросим маски:
Что чувствуешь теперь ты? Обо всем
Поговорим!

Оттима

Нет, говорить не надо.

Себальд

Нет, надо говорить, еще и снова,
Чтоб слово стало словом. «Кровь его»,
Возьмем хоть их, — лишь «кровь его» и больше
Не значит ничего. Я повторяю,
«Кровь»...

Оттима

Если бы раскаивалась я
В поступке —

Себальд

Каяться? Но почему?
Что ты подумала? И говорил я разве,
Что каюсь?

Оттима

Нет, сказала я: поступок —

Себальд

«Поступок» и «событие» — а недавно
«Плод нашей страсти» — к черту ханжество.
Скажи раз навсегда: Лука был скучен,
И мы его убийцы —

Оттима

Вот вино —
Я принесла его с собой из дому.
Есть красное и белое, на выбор.

Себальд

Но я его убийца! И кто ты?

Оттима

Вон тащится куда-то из собора
Монах Бенет в коричневой хламиде,
Босой — всегда, все в том же месте церкви
Стоит под каменной стеной у входа;
За часть стены его я принимала,
Когда он отделялся от нее,
Чтоб пропустить меня, — сперва, — теперь же
Привыкла я — но как я это помню!
Ведь я б сочла скорей глухую стену
За часть его, так холодна она.
Ты — красного?

Себальд

Нет, белого, конечно!
Оттима, я сказал, что Новый год
Над нами старым не взойдет позором;
Налей! За черные твои глаза!
Ты помнишь ли последний Новый год?

Оттима

Ты иностранные принес гравюры.
Мы пили и смотрели. И хотелось
Нам удалить его, но было трудно,

Но я сказала, что не все в порядке
В его коллекции, он встал.

Себальд

Да, больше
Не поцелует он тебя при мне!

Оттима

А ты меня теперь целуешь разве?
Скажи, Себальд мой.

Себальд

Выслушай, Оттима,
Нам надо остеречься. Мы не будем
Носиться так друг с другом. И не надо
Свою любовь высказывать нам больше
Вчерашнего — как будто ждал того я;
Теперь впервые нужны нам гравюры,
Чтоб показать, что я люблю тебя,
Люблю и не смотрю на то, что было
И что не мучит больше наши мысли
Его смеющийся, потухший взор и все!
Любовь, мы будем ссориться, как будто
С тобой мы вместе не навек — и этим
Не связаны.

Оттима

Любовь —

Себальд

И что нас свяжет?
Ведь я взволнован был и вбил в него
Его же собственную дерзость — разве
Я так уж несомненно твой? За это?

Оттима

Любовь, — один совет другого стоит —
Ведь если б в день любви первоначальной,
Хотя б в то утро майское, когда
Сидели мы под тенью сикоморы,
Мы натолкнулись на такую вещь
Внезапно.

Себальд

«Вещь»... Опять твердишь ты — «вещь».

Оттима

Тогда подумай, если бы нашли мы
Труп моего зарезанного мужа
Там, у его постели, весь закрытый, —
Ты разве всматривался бы в него? К чему же
Ты всматриваешься теперь? Ведь здесь он —
Настолько же, как там, в пустынном доме —
Ты глаз с него не сводишь! Ну, а я,
Я ненавижу мертвого сильнее —

Ты трусишь здесь? А я б хотела взять
Его за руки, крикнув — ненавижу
Тебя —

Себальд

Прочь! Руки убери твои!
Тот жаркий вечер — прочь! О, утро ль это?

Оттима

У нас еще работа есть — ты знаешь,
Пойди и помоги снести. Мы можем
Повсюду спать сегодня в нашем доме.

Себальд

Что будет, если мы его оставим
Так, как он есть? Пусть он лежит, пока
Архангел не возьмет его, а то
Снято с его лица, как ты увидишь.

Оттима

Здесь может зеркалом служить стекло.
Три волоса седых! Ты говорил,
Что прядь волос должна лежать на шее?

Себальд

Оттима, я твою бы отдал шею
И эти плечи, обе эти груди,
Чтоб не было того! — Убей же мир,
Чтобы Лука был жив и обливал
Тебя пороком — да, и удивлялся,
Что я вернулся вечером к обеду,
Хотя и утро все толкался здесь —
Я сделаю работу и уйду.
Я бы хотел —

Оттима

Смотри!

Себальд

Нет, я закончу!
Ты думаешь, я испугаюсь правды?
Все, что мы говорили, все прекрасно,
Нам выстрадать — награда в преступленье;
Быть предприимчивым и быть счастливым —
К чему ж и юность? В старости вздохнем мы
Над дикими умчавшимися днями;
Но все ж мы жили! И порок был к месту.
Есть хлеб Луки, носить его одежду,
Его в своем кармане слышать деньги —
Так не грешат любовники в романах!
Ведь умирал я с голоду, когда
Я музыке учил тебя, — а ты
Давала нюхать мне цветы!

Оттима